

14. Рикер П. Герменевтика. Этика. Политика. Московские лекции и интервью. – М.: АО «КАМІ», Издательский центр «Academia», 1995. – 160 с.
15. Саяпина О.Н. Проблема субъекта бессознательного в психоанализе (на материале концепции Жака Лакана): Дис. ... канд. наук, – М., 1999. – 116 с.
16. Фрейд З. Психоаналитические этюды / Составление Д.И. Донского, В.Ф. Круглянского. – Минск: ООО «Попурри», 1997. – 608 с.
17. Чаплыгина И.Д. Средства адресованности. Ты-категория в современном русском языке: Дис. ... докт. филол. наук. – М., 2002. – 505 с.
18. Четверикова О.В. Коммуникативная поэтическая модель как форма презентации авторских смыслов. – Слово и текст: психолингвистический подход: Сб. науч. тр. / Под общ. ред. А.А. Залевской. – Тверь: Твер. гос.ун-т, 2008. – Вып.8. – С. 153–158.
19. Юнг К.Г. Психология бессознательного. – М.: Канон, 1994. – 217 с.
20. Bally, Ch. L'expression des idées de sphère personnelle et de solidarité dans les langues indoeuropéennes. – Zeitschrift: L. Gauchat, 1926 – 250 p.
21. Duras, M. Moderato cantabile. – Paris: Les edition de minuit. – 1958. – 170 p.
22. Sagan F. Un chagrin de passage. – Paris: Plon / Juilliard. – 1994. – 220 p.
23. Tap P. Preface Estime de soi. Perspectives developpementales. Sous la direction de M. Bolognini et Y. Preteur. Delachaux et niestle. – Lausanne, 1998. – 310 p.

В.А. Садикова

ТОПЫ И ТРОПЫ

Топы и тропы, несмотря на созвучие наименований и совместное функционирование в риторике на протяжении многих веков, никогда и нигде не рассматривались во взаимодействии. Связано это, на наш взгляд, с тем, что место топики в большинстве исследований определялось этапом риторического канона – инвенцией, тогда как выразительным средствам языка придавалось настолько исключительное значение, что именно они порой становились единственным содержанием и смыслом риторики в целом. Кроме того, выразительными средствами языка занимались и другие науки: сначала поэтика, в новое время стилистика. Топика же ушла на периферию научного сознания даже в риторике. Между тем взаимодействие топов и тропов совершенно очевидно и органично существует, что мы и попытаемся доказать.

В первом приближении нами выделены и систематизированы следующие структурно-смысловые модели (топы): ОПРЕДЕЛЕНИЕ, РОД и ВИД (разновидности), ОБЩЕЕ и ЧАСТНОЕ (конкретное), ЧАСТИ и ЦЕЛОЕ, ПРИЧИНА и СЛЕДСТВИЕ, СРАВНЕНИЕ, СОПОСТАВЛЕНИЕ, ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЕ, ОБСТОЯТЕЛЬСТВА (места, времени, причины, цели, условия, образа и степени действия), ПРИЗНАКИ, (качества, свойства), ИМЯ, ПРИМЕР, СВИДЕТЕЛЬСТВО, ДЕЙСТВИЕ, ПРИЧИНА и СЛЕД-

СТВИЕ. Список составлен на основе исторических первоисточников – работ Аристотеля, Цицерона, Ломоносова, но с учетом современной практики речевого общения.

Начнем с того, что в исследованиях (в основном, по поэтике) наряду с тропами выделяют еще так называемые риторические фигуры, основное назначение которых не столько украшение речи, сколько ее *диалогизация*, т.е. приобщение к общению, к взаимодействию. К средствам диалогизации относят, прежде всего, такие риторические фигуры, как риторический вопрос, риторическое восклицание, риторическое обращение, императив.

Риторический вопрос часто определяется как вопрос, на который не требуется ответа и который поэтому рассматривается как средство выразительности. Если рассматривать эту риторическую фигуру как средство диалогизации, то такое понимание нельзя считать достаточным. Важнее то, что это вопрос, в котором уже заключен ответ. Риторическим вопросом оратор, прежде всего, декларирует собственную позицию, подчеркивает ее, даже навязывает ее слушающим. Поэтому оратор должен быть готов к тому, что его мнение могут и не разделять. В этом случае, задавая риторический вопрос, он может дать повод к негативной реакции, которая, если она реализуется в ответной реплике, тут же трансформирует риторический вопрос в проблемный. Именно такая возможность делает риторический вопрос исключительно эффективным средством активизации внимания и организации взаимодействия общающихся. Напомним, что категории Аристотеля имели «вопросную» форму. Любой риторический вопрос, таким образом, может быть облечен в «категориальный» вопрос Аристотеля, а значит, построен по той или иной структурно-смысловой модели, т.е. соответствует топу.

Риторическое восклицание – менее «провокационное» средство диалогизации, поэтому, может быть, и менее эффективное. Однако оно тоже выделяет главное в выступлении и подчеркивает позицию оратора. Трудность использования этого средства диалогизации заключается, пожалуй, только в чувстве меры: избыточная эмоциональность может вызвать раздражение аудитории и дать эффект, обратный тому, на который рассчитывал оратор. Соблюсти чувство меры поможет внимание (самоконтроль) оратора к тому топу, на котором основано это восклицание.

Риторическое обращение, как и обращение вообще, «есть знак, сигнализирующий об отношении говорящего к слушающему» [2: 222]. В этом качестве оно должно отвечать этическим нормам и соответствовать ситуации. Если рассматривать обращение с позиций топики, то оно есть топ *Имя* в усиленной позиции.

Императив используется для того, чтобы предложить слушателям участвовать в совместных действиях. Конечно, предложения наподобие *Давайте подумаем...*; *давайте попробуем в этом разобраться...* не предполагают активных действий со стороны аудитории, но сама форма призыва к действию показывает, что оратор доверяет аудитории, считает ее спо-

собной к активным действиям, что, естественно, способствует взаимопониманию. Совершенно очевидно, что эта риторическая фигура образуется топом *Действие*.

Как риторические фигуры, так и тропы не только служат украшением речи, но и являются активным средством *диалогизации* публичного выступления, т.е. участвуют в осуществлении коммуникативной функции, а это значит, что тропы частично тождественны топам, имеют в коммуникативном плане общую зону действия. Их можно представить в виде кругов Эйлера с общей зоной, которую можно было бы так и назвать – *диалогизация*, и самостоятельными зонами действия: для топики – *логика общения*, для «тропики» – *экспрессивность* (эмоциональность, выразительность) *общения*. Диалогизация, по сути дела, это та же убеждаемость (аргументативность), но в которой подчеркнут момент взаимодействия, немислимость общения без собеседника.

Особенно широкие возможности для диалогизации имеет развернутая *метафора*, которая, конечно же, представляет собой высказывание, т.е. тот или иной реализованный топ. Развернутая метафора способна не только привлечь внимание слушателей глубиной и необычностью образа, не только стать средством выразительности в монологическом высказывании, но и действительно трансформировать его в диалог, превратить в дискуссию.

Термин «развернутая метафора» появился в научной литературе сравнительно недавно. Риторы прошлого называли многокомпонентную метафору, содержащую ряд ассоциативно связанных объектов, аллегорией, которая отличалась от собственно метафоры именно своей распространенностью. Например, в 1796 году И.С. Рижский пишет: «... когда слово будет употреблено в не собственном значении по той причине, что содержащиеся под обоими его знаменованиями вещи столько будут иметь между собой сходства, что одну из них можно уподобить другой; например, *ход знаний*; или когда из двух вещей, которые сличаем между собой в сходных свойствах, называем одну именем другой; например: весьма легкую вещь *пером*; то сей ряд тропа называется *метафорой*. .... Когда в целом предложении или в целом периоде все, или исключая немногие только слова, будут употреблены в не собственных значениях по причине упомянутого сходства вещей, содержащихся под обоими их знаменованиями, то сей троп называется *аллегориею*» [4: 98].

Чуть позже, в 1807 году, А.С. Никольский предлагает определение аллегии, еще очевиднее связанное с развернутой метафорой: «*Метафора непрерывная*, т.е. такая, в которой не одно слово, но целый период или несколько предложений в одном периоде, или когда целая речь выражаются переносным образом, называется *аллегорией*» [3: 110].

Позднее интерес ученых переместился от формальных различий метафоры и аллегии к их роли *как средства общения в процессе употребления*. Заинтересовал сам процесс разворачивания метафоры и

связанные с этим возможности общения. Это не значит, что термин «аллегория» исчез совсем. Однако если в XIII–XIX вв. под аллегорией понималось все, имеющее переносное значение на более высоком, чем слово, уровне, начиная с уровня предложения и заканчивая жанром басни, то в XX в. термины «распространенная метафора» и «аллегория» дифференцировались, за каждым из них осталась своя область номинации: «Метафора развернутая. Метафора, построенная на различных ассоциациях по сходству. *Вот охватывает ветер стаи туч объятыем крепким и бросает их с размаху в дикой злобе на утесы, разбивая в пыль и брызги изумрудные громады (Горький)*» [5: 128]; «Аллегория. Троп, заключающийся в иносказательном изображении отвлеченного понятия при помощи конкретного образа. Например, в баснях и сказках хитрость показывается в образе лисы, жадность – в облике волка, коварство – в виде змеи и т.д.» [5: 14]. Таким образом, в современном понимании термины «развернутая метафора» и «аллегория» разошлись настолько, что уже нет необходимости в определении их указывать на какую-либо связь: это в прошлом.

Интересно, что в качестве средства диалогизации (понимаемого в широком смысле – как средство общения в процессе употребления) развернутая метафора утрачивает некоторые свойства, считавшиеся ее неотъемлемыми атрибутами еще с тех времен, когда она совпадала с аллегорией. Речь идет о требовании не быть противоречивой; все ее структурно-смысловые элементы – объект сравнения, предмет сравнения, признаки сравнения – должны быть коррелятивны. На это указывал еще И.С. Рижский в упомянутой работе, подразумевая под аллегорией сегодняшнюю развернутую метафору:

«Главное аллегории правило состоит в том, чтобы все содержащиеся под собственным значением в ней вещи относились к одному роду или одному предмету. Вот небольшой пример погрешности в сем случае: *Кровавое облако войны возгорелось в самом сердце отечества: поелику облако, огонь и сердце*, которые здесь соединены в одной аллегории, суть вещи совершенно разнородные» [4: 98–99].

Однако в реальной речевой практике, когда метафора возникает спонтанно, требование непротиворечивости часто нарушается, что, однако, не мешает адекватному общению. Например, рассмотрим метафорическое высказывание в прямом эфире, построенное по структурно-смысловой модели *Сопоставление*:

«Мама для ребенка – это трехступенчатая ракета. Ребенок, рождаясь, отбрасывает первую ступень; вторую ступень он отбрасывает тогда, когда первый раз говорит «нет»; и третья ступень становится ему не нужна, когда он выходит в самостоятельную жизнь, становится взрослым».

Это метафорическое высказывание одного молодого человека в передаче «Что хочет женщина?» явно рассчитано на эпатаж. Оно достигло

своей цели, вызвав бурю негодования со стороны самых разных людей. Интересно, что, возмущаясь, практически никто не развивает предложенную метафору. Говорят: *Мама – топливо? Мама – ракета?* Главным же образом, это негодование передавалось на разные лады повторяемым словосочетанием *Мама – канистра?* Как родился этот образ, никто не заметил. Кажется, ведущая Елена Яковлева употребила его первой. Неверно с точки зрения образования непротиворечивой развернутой метафоры, но закономерно с точки зрения появления ассоциативного ряда в процессе конфликтной коммуникации. Получилось не дальнейшее разворачивание предложенной молодым человеком острой развернутой метафоры, а «сворачивание» и трансформация, усиливающая негативное отношение слушателей к содержательной стороне предложенной развернутой метафоры. Собственно, *мама-канистра* – это уже новая метафора, но ассоциативно связанная с первой, возникшая на ее базе и свернутая до структурно-смысловой модели *Имя*. Видимо, можно говорить не только о развернутой метафоре как едином целом, но и о более крупных образованиях, чем развернутая метафора, и о ряде ассоциативно связанных свернутых (до нового имени) метафор в процессе общения. Такой ряд будет порождением исключительно диалоговых ситуаций, взаимодействия мнений.

Рассмотрим другой пример, в котором требование непротиворечивости метафоры также целесообразно нарушено: *Если у нас у всех опускаются руки, то мы будем не Россией, а страной опущенных людей* (Из радиопередачи). Здесь метафора (метафорический фразеологизм) использована в качестве *аргумента*, выраженного топом *Причина*, поэтому во второй части высказывания не *страна опущенных рук*, а *страна опущенных людей*, что сильнее и глубже. Кроме того, помимо наложения лексических значений, вступил в действие новый топ, точнее, пара топов – *Часть и Целое*. В результате высказывание, начатое как метафора, неожиданно и убедительно трансформировалось в метонимию.

Развернутая метафора может помочь сфокусировать проблемный вопрос беседы при подведении итогов. Например:

«Спасибо. Действительно, хаотичный разговор, как мне показалось. Много искр взлетало из этого костра. Как их сложить в нечто единое, такое горение реактивное, которое движет куда-то вперед наше общество, трудно сказать. Но я отмечаю, что в финале, как мне показалось, все-таки самый сложный вопрос, который при разнообразии точек зрения, которые здесь присутствовали, нерешенный вопрос для нашего общества, это: как же все-таки вот эту политическую систему формирования элиты, самый удачный оптимальный вариант для нашей страны, сложить?»

Это фрагмент заключительной части аналитической программы «Что делать?» на телеканале «Культура», подведение итогов ведущим В. Третьяковым. Метафора здесь не придумана заранее, она рождается на

глазах слушателей, творится, изобретается в процессе речи, тем самым постоянно удерживая внимание аудитории. Процесс ее создания обусловлен исключительно ассоциативностью – сложной и, безусловно, индивидуальной, авторской, но доступной пониманию слушателей, потому что в их сознании присутствует структурно-смысловая модель *Сопоставление*. Действительно, с чего начинается этот ассоциативно-метафорический ряд? С эпитета «хаотичный» применительно к беспорядочному, может быть, не очень вразумительному разговору. Однако отдельные мысли собеседников в этом разговоре были очень умны, тонки, блестящи. Автор этого не говорит, это остается за речью. Но рождается продолжение образа: хаотичный разговор – это костер, отдельные блестящие высказывания – искры. Создается классическая непротиворечивая развернутая метафора. Естественно и возникшее далее «горение». Но у этого горения, в соответствии с коммуникативной задачей автора, должна быть направленная движущая сила, поэтому возникает не совсем правомерное с точки зрения сочетаемости словосочетание «горение реактивное» (актуализируется новая ассоциация – «реактивный двигатель»). Инверсия частично спасает положение: во-первых, у эмоциональных конструкций более свободная сочетаемость, во-вторых, становится понятным, что эпитет возник спонтанно, а значит, к нему нельзя предъявлять строгие требования письменных норм. Идея направленной движущей силы в дальнейшем становится ведущей. И хотя далее не появляется ни одного нового слова в переносном значении, все дальнейшее есть развитие, разворачивание метафоры *костра – искр – горения*. Происходит это очень экономно в смысле выразительности, за счет повторения глагола «сложить». Сначала он относится к искрам-мыслям собеседников в текущей беседе, потом – к «политической системе формирования элиты». Вывод, в общем-то, уже ясен: как нельзя сложить в «горение реактивное» отдельные мысли-«искры», так же невозможно создать политическую систему формирования элиты. Поэтому сказанное далее В. Третьяковым не неожиданность. Метафора уже не только подготовила почву, но даже все поставила на свои места, определила возможности реализации идеи. А В. Третьяков только ее конкретизировал:

«... Как же все-таки вот эту политическую систему формирования элиты, самый удачный оптимальный вариант для нашей страны, сложить? Демократический вариант проваливается по вине тех, кто эту демократию преподносит. Авторитарные варианты эффективны в весьма ограниченных сферах. Выходит, оптимальный во всех отношениях вариант пока мы не нашли. И сейчас в этой нашей дискуссии я не очень это почувствовал».

Во время спора, вообще в конфликтной речевой ситуации, продумывать детально и правильно строить развернутую метафору, скорее всего, не представляется возможным. Однако возможность понимания обеспечивается структурно-смысловыми моделями – топами, которые

сохраняют логику общения несмотря ни на какие собственно языковые (неизбежные в спонтанной речи) неточности, даже если они касаются противоречий, связанных с построением метафоры. В такой ситуации порой используется неразвернутая, иногда довольно банальная метафора, но именно она часто становится позиционным и смысловым центром спора, однако обнаружить логические несообразности, нарушение принципа аргументативности возможно только на уровне топов. Предложенные ниже примеры – запись фрагментов передачи Владимира Соловьёва «К барьеру».

Пример 1.

«В. Новодворская: И, разумеется, Россия должна просить прощения. На коленях. За то, что она устроила в Чечне.

В. Соловьёв: На коленях – это как? Всем стать? Или...

В. Новодворская: Я готова встать.

В. Соловьёв: Нет, перед кем? Россия должна встать на колени... перед кем? Перед Басаевым?

В. Новодворская: Неважно. Перед чеченским народом, нами истребляемым. Просить прощения. За геноцид, который мы проводим там более чем сто лет. За историческую вину...»

Пример 2.

«В. Новодворская: Мы уничтожили одну из самых страшных тираний в мире, мы разрушили империю зла...

В. Жириновский: Кто вам дал право называть страну нашу империей зла? Кто вам дал право? Это наша страна. Если вам не нравится империя зла, уезжайте в империю добра...

В. Новодворская: Если ваша страна империя зла, то моя страна – Россия. Россию никто сломить не может...

В. Жириновский: Большевикам тоже не нравился царский режим. Они тоже называли это... Россия – жандарм Европы, Россия – тюрьма народов и устроили нам другую тюрьму, советскую. С которой мы стали бороться. Сегодня вы нам другую тюрьму, демократическую, устраиваете...»

В первом фрагменте знаменательно то, что ответную реплику вызывает не словосочетание в прямом значении (просить прощения), а метафора, его усиливающая (на коленях). По смыслу вроде бы логичнее было бы Соловьёву повторить слова «просить прощения». Но так будет слабее, не так остро и больно... «Зацепившись» за метафору и «разметафоризировав» ее, В. Соловьёв находит самый эффективный в данном случае топ *Действие: всем стать или...* Но действие завуалировано, акцент на *Общем* («всем»), которому могло быть *противопоставлено* («или...»), видимо, *Частное*. Однако Новодворская умело использует предложенный Соловьёвым топ *Действие, конкретизируя* его относительно себя: *я готова встать*. Поэтому эта структурно-смысловая модель Соловьёву уже не подходит. Он делает вид, что спрашивает то же самое, но это уже *другой* вопрос: *нет, перед кем? ...*

Эта алогичность не замечается, потому что Соловьев использует тот же топ – *Конкретное*. Новодворская повторяет «просить прощения», потому что подхваченная оппонентом метафора «встать на колени» уже работает против нее. При этом совершенно очевидно, что для Новодворской позиционно выгоднее использовать топ *Общее*, а для Соловьева – *Частное*, и Соловьев в данном случае убедительнее. Если бы В. Новодворская нашла на *Конкретное* Соловьева (Басаев) *противоположное Конкретное*, она могла бы победить в этом споре. Однако ее аргументы *недостаточно* конкретны, а потому и *недостаточно* убедительны.

Во втором фрагменте сила образа – *империя зла* – так велика, что на время именно этот образ, его толкование, становится главным в полемике. Жириновский как бы пренебрегает переносным значением устойчивого словосочетания, тоже «разметафоризирует» его, возвращая слову «империя» первоначальное – прямое – значение, отождествляет понятия «империя – государство – Россия». И спорит не с логическим содержанием (демократы разрушили зло, которое заключалось в тирании) и даже не с метафорой, использованной Новодворской, а с этим опредмеченным значением, которого Новодворская в это выражение *не* вкладывала, потому что для нее не Россия – империя зла, а зло в России, которое было разрушено, велико и всеохватно, как империя. Таким образом, подменив предмет сравнения (у Новодворской тирания – империя зла, у Жириновского империя зла – Россия в понимании Новодворской) и применив уловку *подмена тезиса*, он спорит с тем, чего Новодворская не говорила. Сам же Жириновский создает новую метафору – о тюрьме, которая является ассоциативным продолжением первой. Здесь не одна метафора, а две, которые, тем не менее, представляют собой единое целое, ассоциативный ряд, состоящий из двух развернутых метафор, образованный в результате коммуникации двух конфликтующих собеседников. Не будь первой метафоры, скорее всего, не появилась бы и вторая. Возможность их появления обеспечена топом *Сопоставление*.

Развернутая метафора широко используется и в художественной литературе именно как средство диалогизации.

В маленькой трагедии А.С. Пушкина «Скупой рыцарь»:

«... Иль рыцарского слова
тебе, собака, мало?

Жид:

Ваше слово,
Пока вы живы, много, много значит.
Все сундуки фламандских богачей
Как талисман оно вам отопрет.
Но если вы его передадите
Мне, бедному еврею, а меж тем
Умрете (боже сохрани), тогда
В моих руках оно подобно будет

Ключу от брошенной шкатулки в море».²

Интересно в данном фрагменте то, что основной образ развернутой метафоры – *ключ*, возникает только в конце; постепенно, шаг за шагом, рыцарское слово отождествляется с ключом. А «шагами» являются связанные с образом ключа лексические единицы: *все сундуки ... отонрет* (пока еще рыцарское слово, а не ключ; талисман не отпирает, а оберегает), *его передадите мне...* (передать *слово* нельзя, а *ключ* можно), *подобно ключу от брошенной шкатулки в море...* Только здесь метафора реализуется сполна. Именно метафора, а не сравнение, несмотря на формальный признак сравнения слово «подобно», потому что сравнение касается *брошенной шкатулки*, а не рыцарского слова. Рыцарское слово как ключ – метафора, которая *по правилам устной диалогической речи* (ср. с метафорой В. Третьякова) рождается на глазах Альбера и, соответственно, читателей / слушателей.

Почему же люди все-таки друг друга понимают, несмотря на явные несоответствия в построении метафоры в процессе реальной речевой практики? Потому что кроме правил построения метафоры в их сознании присутствует система топов как структурно-смысловых моделей, которая *не нарушается* даже в том случае, если наша метафора противоречива.

Многочисленные попытки (которые продолжаются и сегодня, особенно, в практике обучения ораторскому искусству) отождествить риторiku с системой выразительных средств (тропов), нельзя считать продуктивными как раз в силу открытости этой системы, связанной с неисчерпаемыми возможностями классификаций образных средств и с их феноменальной природой.

Эта «открытость» автоматически переносится и на топы, в то время как топика представляет собой *закрытую* (ограниченную, самодостаточную, исчерпывающую) систему универсальных категорий, необходимых и достаточных для говорящих, желающих иметь общую базу общения. К сожалению, в работах некоторых ученых происходит «перемещение принципа изобразительности речи на передний план и осознание его основополагающей роли» [7: 8]. Но «утверждение, что предмет риторики как «искусства красноречия» сводится к теории элокуции или вообще только к определению тропов и фигур, противоречило бы реальной исторической картине» [1: 32].

Таким образом, способность тропов к диалогизации связана с тем, что тропы передают не только некий сгусток эмоциональной энергии, на который нельзя не отреагировать, но и некое логическое содержание, на котором *базируется* этот сгусток энергии. Эта логическая база, как правило, затемняется эмоцией как главным содержанием тропа. Но она есть, эта ба-

---

² А.С. Пушкин. Маленькие трагедии. – М.: Госиздат художественной литературы, 1961, с. 12.

за, она существует и только она делает возможным функционирование тропа в его основном качестве. Эта база есть топики. «Тропика» вторична по определению: наша речь может быть не эмоциональной и даже не выразительной, но не может быть алогичной, если мы нормальные люди, и заботимся о том, чтобы нас поняли.

Знаменательно, что наиболее глубокие исследователи «выразительности» речи «выходят» на топику, даже если не осознают ее системности. Примечательна в этом смысле книга Ц. Тодорова [6]. В своем исследовании он охватывает огромный исторический период, от Аристотеля до современных авторов, в основном французских.

Анализируя, например, мнение Августина о прямом и переносном употреблении слов, Ц. Тодоров пишет: «Противопоставление собственного и переносного употребления возникло в риторике, но отличие Августина от риторической традиции заключается не только в расширении объекта анализа и переходе от слова к знаку вообще; новым является само определение “переносного”; *отныне речь идет не о слове, используемом в другом смысле, а о слове, обозначающем некий предмет, который, в свою очередь, становится носителем смысла.* Это определение действительно применимо к приведенному примеру (вол, проповедник и т.д.), *не похожее на риторические тропы.* Однако на следующей странице Августин приводит другой пример переносного знака, *полностью соответствующего риторической традиции*» [6: 43. – Здесь и далее в цитатах из книги Ц. Тодорова курсив мой. – В.С.]. Второй пример Августина Тодоров не приводит, поверим ему на слово. А первый пример Августина такой:

«В действительности знаки являются или собственными, или переносными. Их называют собственными, когда они употребляются для обозначения тех предметов, для которых они и были созданы. Например, мы говорим *bos* ‘вол’, когда думаем о животном, которое все говорящие по-латыни называют, как и мы, этим именем. Знаки являются переносными, когда сами предметы, обозначенные нами своими собственными именами, употребляются для обозначения другого предмета. Например, мы говорим *вол* и с помощью этих звуков представляем себе животное, обычно называемое этим именем. Однако в свою очередь это животное заставляет нас думать о проповеднике, который в Священном Писании, в соответствии с толкованием Апостола, обозначается такими словами: „Не заграждай рта у вола молотящего“ (первое Послание к Коринфянам, 9,9)» (О христианской науке, II, X, 15)» [Op. cit.: 42].

Ц. Тодоров считает, что Августин подводит к аллегории, характерной для религиозного текста, однако для нас важнее то, что это топ *Сопоставление*, а приведенная выше цитата объясняет, по сути дела, разницу между топом *Сопоставление* и метафорой. Тодоров не берет во внимание наличие категории «топ» вообще и не признает (бессознательно: никакого анализа топов у него нет) ее присутствие в риторике. Однако он все-таки чувствует «непохожесть» этого явления на риторические тропы,

что, на мой взгляд, является пусть косвенным, но значительным доказательством существования категории ТОП.

Анализируя Квинтилиана, Ц. Тодоров отмечает:

«В основу всех категорий риторики он (Квинтилиан) кладет противопоставление *res* и *verba*, мысли (или предмета) и слова. .... Слова ясны, когда они позволяют нам как следует разглядеть сквозь них предметы, и прекрасны, когда мы восхищаемся ими как таковыми; *соотношение ясности и красоты параллельно соотношению предметов и слов*.... Ясность требует, прежде всего, слов, взятых в их собственном смысле, а красота – в переносном. ... Квинтилиан анализирует элемент, связанный с *verba*, а именно переносный смысл, и снова вскрывает внутри него противопоставление слов и мыслей, поскольку среди тропов „иные из них употребляются ради (выражения) смысла, иные – ради красоты“ (8,VI, 2). Таким образом, *одни тропы используются, в частности, для более ясного представления мыслей и предметов, а другие создаются лишь для того, чтобы их оценили как таковые*» [Op. cit.: 67].

Таким образом, от Квинтилиана до Тодорова отмечаются два ряда одновременно похожих и непохожих явлений. Совершенно очевидно, что *тропы как средство выражения мысли* есть не что иное, как ТОПЫ. Примечательно еще и то, что в этих рассуждениях Квинтилиана (в трактовке Тодорова) *предмет и мысль не разграничиваются*, что возможно только в том случае, если отдавать приоритет *функционированию* топа, а не его форме, и воспринимать его как синтетическую единицу. А то, что Ц. Тодоров, как и древние исследователи, начиная с Гераклита и Платона, *пользуется* топикой, не вызывает никаких сомнений и легко доказуемо. Например, целый ряд тропов Ц. Тодоров объясняет через топы: «Бозе вслед за Цицероном различает два вида синекдохи: *часть вместо целого* и *вид вместо рода*» [Op. cit.: 109]; «для выражения страсти вообще уместна фигура *часть вместо целого (синекдоха) или причина вместо следствия (метонимия)*» [Op. cit.: 121]; в другом месте он отмечает, что «синекдоха... может представлять собой *переход от вида к роду или от рода к виду*» [Op. cit.: 268].

Ц. Тодоров прибегает к этому приему практически всегда, когда хочет объяснить *суть* тропа или родственного тропу явления. Например, анализируя Шеллинга, Тодоров пишет: «... Шеллинг особо подчеркивает парадоксальность своего определения: мифы *суть одновременно общее и частное*, они существуют и обозначают, более того они существуют, потому что они обозначают» [Op. cit.: 244]. Анализируя Канта, пишет: «Показательна терминология, используемая Кантом для обозначения связи между неизрекаемым понятием и формами, которые вызывают представление о нем: „следствия“, „родства“; в другом месте он говорит, что эта связь действует „всегда по законам аналогии“. Как здесь не вспомнить тропологическую матрицу риторики, основанную на категориях партиципации, причинности, сходства» [Op. cit.: 223]. Это *топическая* (топологическая) матрица, а не тропологическая! Ц. Тодоров, несмотря на

то, что сам же подметил принципиально *разные* способы выражения «смысла» и «красоты», предпочел их сходство, а не различие. Нам же представляется важным вывод, которого Ц. Тодоров не делает, но который сам напрашивается из его же способа объяснения образования тропов: *тропы появляются тогда, когда один топ используется вместо другого тона*. В этом, собственно, и заключается главный принцип взаимодействия топов и тропов.

Итак, Ц. Тодоров очень близко подошел к топике, но не «заметил» ее. Поэтому его постулат о красноречии, который он приводит почти в начале своего исследования и которому верен на протяжении всей книги, представляется одновременно очень убедительным, но и противоречивым – в той его части, где речь идет о *структуре* речи: «Предмет риторики – красноречие, красноречие же определяется как действенная речь, т.е. речь, которой можно воздействовать на другого человека. Для риторики язык не форма (ее не интересуют высказывания как таковые), а действие; языковая форма становится частью целостного акта коммуникации, наиболее характерной разновидностью которого является убеждение. *Риторике интересуют функции речи, а не ее структура*. Для нее в центре внимания находится цель коммуникативного акта – убедить...; языковые средства привлекаются к рассмотрению в той мере, в которой они могут служить достижению этой цели» [Ор. cit.: 55. Курсив мой. – В.С.].]

Полностью соглашаясь с основными положениями Ц. Тодорова (относительно «действенной речи» и «убеждения»), не можем не возразить относительно «структуры». Структуру речи здесь Ц. Тодоров совершенно очевидно отождествляет с ее формой. Однако такой вывод возможен только для того, кто не видит топики. *Функции* же речи, на наш взгляд, могут осуществляться только благодаря *структурно-смысловым* моделям – топам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дюбуа Ж., Эделин Ф., Клингенберг Ж.-М., Мэнге Ф., Пир Ф., Тринон А. Общая риторика: Пер. с франц. / Общ. ред. А.К. Авеличева. – 2-е изд., стереотипное. – М.: КомКнига, 2006. – 360 с.
2. Клюев Е.В. Риторика (Инвенция. Диспозиция. Элокуция). – М.: ПРИОР, 2001. – 270 с.
3. Никольский А.С. Основания российской словесности // Русская риторика: Хрестоматия / Авт.-сост. Л.К. Граудина. – М.: Просвещение, 1996. – С. 109–131.
4. Рижский И.С. Опыт риторики // Русская риторика: Хрестоматия / Авт.-сост. Л.К. Граудина. – М.: Просвещение, 1996. – С. 91–108.
5. Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов: Пособие для учителя. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Просвещение, 1985. – 399 с.
6. Тодоров Ц. Теории символа / Перевод с франц. Б. Нарумова. – М.: Дом интеллектуальной книги, 1998. – 408 с.

7. Хазагеров Г.Г., Ширина Л.С. Курс лекций и словарь риторических фигур. – Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. ун-та, 1994. – 320 с.

Научная библиотека ТвГУ